

Девятнадцать лет назад

Вознесенская улица дремала под напором лучей палящего солнца. Рабочие домики в проулке разомлели от зноя, покачнувшись на бок, улыбаясь в землю. Мы старались запустить змей, бегали, вспотели, но все попытки наши были напрасны и мы расселись в тени у ворот Баранова дома, роясь в земле.

Но вдруг, расталкивая нас — жирная фигура полицейского Моечкина — гроза города вошла во двор и направилась к сеням полуподвального помещения. За ним шёл, торопясь, толстый неповоротливый купец Александр Петрович Прелов. Оба скрылись в тёмных сенях. Мы с криком бросились за ними: «Полицейский идёт, полицейский идёт». Те вошли в комнату. Здесь царил полумрак. Сырой, гнилой воздух щекотал в носу у вошедших. В правом углу стоял стол, покосившись набок, рядом две табуретки. Грязный самовар стоял на печи. У загородки на полу стоял маленький — красненький сундучок, в котором так бережно хранилось годами белое единственное платье хозяйки этой квартиры — вдовы, работающей на Борисовской фабрике. Вот вся обстановка.

— С вас необходимо получить по суду незаплаченные деньги за харчи в сумме 25 рублей, но так как вы не платите, я забираю у вас имение, — полупьяным голосом заявил Моечкин.

Плач вдовы и рёв её маленькой девочки были ответом на слова полицейского.

— Александр Петрович! Голубчик! Подождите маленько, — сквозь слёзы молила вдова, стоя на коленях, обнимая колени Прелова. — Уплачу.

Но сытые голодным не верят. Описав всё жалкое имение, полицейский собрал всё в кучу и полез на печь за самоваром. Девушка, оглядываясь, тихо пробралась к сундуку, приоткрыла крышку, запустила руку, проворно вытащила платье и с рёвом, крепко прижимая к груди пожелтевшее, с кружевами [платье] любимой матери, бросилась вон из двери.

Моечкин догадался, прыгнул со стула и как собака за зайцем бросился за платьём. Девушка как безумная бежала. Запыхавшийся полицейский настигал, вот, наконец — около неё и поставил ногу, как вкопанный остановился, девочка же растянулась на земле.

Не чувствуя боли, она крепко сжимала платье.

— Не дам, не дам мамино платье.

— Как ты смеешь казённые вещи брать, отдай сюда, — рычал полицейский, стараясь ухватить за платье.

— Не дам... Мама милая... Пусти...

И острые зубы девочки впились в подвернувшуюся руку Моечкина.

— Ах ты сволочь! Так ты как...

И увесистая рука впилась в детские волосы и с силой оттолкнула голову назад, другая мелькнула в воздухе и через миновенье раздался глухой удар, а за ним истерический вскрик.

Долго ли продолжалась эта ужасная картина — не помню, но только победителем вышел он — полицейский. И утирая вспотевший лоб платьём с видом победившего гладиатора, направился к дому, где у ворот его уже с увязанными вещами ждал Прелов.

От толчка девочка упала лицом на землю. На лице её выступала смешанная с пылью кровь. Она находилась в полуобмороке. Наконец, очнувшись, увидела удалявшегося полицейского с платьём, она стала подниматься, поддерживаясь рукой о землю. Но вдруг рука её нащупала что-то твёрдое и крепко стиснула в маленькой ручонке, то был камень.

Она вскочила и со всей своей детской силой бросила из рук твёрдое. Камень свистнул в воздухе и упал в крапиву — далеко от Моечкина.

— Ну и сволочь, — твердил Моечкин, — как кошка увёртливая, — повторял он, облизывая укушенную руку.

— Ну? Готов, Александр Петрович? Можно идти?!

И схватив кое-как несчастные пожитки — корки хлеба несчастной вдовы, переваливаясь с боку на бок, они пошла с места преступления.

Девочка не могла расстаться с материным платьем. Она молила, кричала вслед удалявшимся тиранам, то с истерикой выкрикивала бессильные угрозы, продолжая следовать с плачем за удаляющимися, и продолжала бы следовать далее, если бы твёрдый каблук с железной подковкой полицейского не лишил чувств бедную девочку.